

Книги
ЖАУМЕ КАБРЕ,
опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Ваша честь
Тень евнуха
Голоса Памано
Я исповедуюсь
Когда наступит тьма
И нас пожирает пламя

ЖАУМЕ КАБРЕ

Голоса Памано

Санкт-Петербург

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)-44
К 12

Jaume Cabré
LES VEUS DEL PAMANO
Copyright © Jaume Cabré, 2004
All rights reserved

The translation of this work was supported by a grant
from the Institut Ramon Llull.

 **institut
ramon llull**
Llengua i cultura catalanes

Перевод с каталанского Елены Зерновой

Оформление обложки
Вадима Пожидаева, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-23407-9

© Е. С. Зернова, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Отче, не прощай им, ибо они
ведают, что творят.

Владимир Янкевич

Прикосновение к двери было едва слышным. Словно кто-то нежно погладил ее. Дверь бесшумно открылась (рука в перчатке придержала ручку, чтобы не допустить ни малейшего скрипа) и с едва уловимым вздохом закрылась. Темная тень тихо скользнула среди обычных теней дома. Привыкшие к ночи глаза Юрия пристально следили за ней. Незванный гость прошел в кабинет. Оконные жалюзи там были подняты, и он чертыхнулся про себя. По другую сторону окна снег, принесенный внезапным фронтом полярного воздуха, окутывал окрестный пейзаж могильным холодом, усугубляя безмолвие ночи. Даже шума реки не было слышно. Пришелец предпочел не опускать жалюзи, поскольку никто не должен был ни в коем случае узнать, что этой ночью он проник в дом.

С тягостным вздохом гость сел за компьютер, поставил портфель на пол рядом со стулом и нажал кнопку системного блока. Его внимание привлек безупречный порядок на рабочем столе, и он подумал, что это облегчит ему работу. Юрий бесшумно последовал за пришельцем в кабинет и, встав в дверях, молча наблюдал за ним. Голубоватое мерцание экрана заполнило комнату, и сидевший возле него человек подумал, что ему совсем не хотелось бы, чтобы это тусклое холодное сияние проникло на пустынную улицу и в другие помещения дома. На бумажке, прилепленной сбоку от экрана, было написано: «Доброе утро! Еда в шкафчике

над холодильником. Спасибо за все!» Он начал просматривать папки. Потом вытащил из кармана куртки упаковку дискет и, запасшись терпением, приступил к копированию архивных файлов. Где-то в другом конце здания кто-то закашлял; пришелец представил себе, как соседи снизу возвращаются с какой-нибудь безумной вечеринки, умаявшиеся, обессиленные, бормоча про себя, что это оголтелое веселье уже не для них. Ночную тишину нарушил звук проехавшей мимо машины, которая из-за снега двигалась резко и неровно. Ну почему, когда спешишь, эти компьютеры работают так медленно? И почему они так шумят, если производители уверяют, что они бесшумны? Внезапно зазвонил телефон; пришелец выключил компьютер, хотя загрузка была в самом разгаре, и застыл как вкопанный, чувствуя, что по носу стекает капля пота. Он не вытирал ее, потому что перестал существовать. В квартире, однако, по-прежнему было тихо.

— Сейчас я не могу подойти к телефону. Оставьте сообщение после короткого сигнала.

— Послушай, рано утром я не смогу заехать. Понимаешь, у нас появился еще один заказ на плитняк в Тремпе, и дочка настаивает, чтобы я ехал. Но ты не беспокойся, я заеду ближе к полудню, до обеда. Пока. Удачи и целую тебя. Я обязательно приеду тебя навесить. Ах да! Ты права: журчание Памано действительно слышно.

Бип-бип. Пока. Мужской голос с горным пальярским выговором¹, охрипший от табака и кофе и самым обычным тоном говоривший о планах на завтрашний день. Незнакомец выждал несколько секунд: вдруг откроется какая-нибудь дверь. Нет. Никого. К счастью,

¹ *Пальярский субдиалект* — субдиалект каталанского языка, на котором говорят в комарках Пальярс-Собира и Пальярс-Хусса в Каталонии. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Юрий решил не выдавать себя и продолжал неподвижно стоять в дверях. Когда отзвук телефонного звонка растаял в воздухе и шорох снежных хлопьев, мягко опускавшихся на окрестности, вновь стал различим, незнакомец позволил себе легкий вздох и снова включил компьютер.

Толком не понимая, что делать, Юрий отошел от двери и на какое-то время укрылся в гостиной, прислушиваясь к малейшим шорохам, доносившимся из кабинета.

Пришелец возобновил свою работу. Довольно быстро он заполнил пять дискет, переписав файлы из папок с инициалами О. Ф. и еще несколько на всякий случай. Потом отправил сами файлы в корзину и очистил ее, убедившись, что от электронных документов не осталось никакого следа. Наконец вставил в системный блок еще одну дискету, на этот раз с вирусом, затем извлек ее и выключил компьютер.

После этого пришелец зажег фонарик и зажал его во рту, чтобы освободить руки. Ему не доставило никакого труда опустошить три интересующие его папки из настольного лотка для бумаг. Там были документы, фотографии, пластиковые папки с бумагами. Он положил все в портфель и поставил лоток на место. На полу возле стены стоял красный чемоданчик. Он открыл его. Судя по всему, в нем лежали вещи, собранные для поездки. Пришелец тщательно исследовал содержимое: ничего интересного. Он закрыл чемоданчик и оставил в том виде, в каком обнаружил. Перед уходом он решил на всякий случай проверить все ящики стола. Чистые листы бумаги, блокноты, школьные тетради. И коробка. Едва он ее открыл, как лоб у него покрылся холодной испариной. И тут ему показалось, что в другом конце жилища раздался тягостный вздох.

Гость закрыл входную дверь, твердо зная, что не оставил никаких следов своего пребывания в этом доме, что потратил на всю работу не более четверти часа, так что чем дальше отсюда его застанет рассвет, тем лучше.

Едва оставшись один, Юрий вошел в темный кабинет. Здесь все, казалось, было по-прежнему, но его не покидало чувство тревоги. Гнетущее ощущение, что он, похоже, оказался не на высоте положения.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Полет зеленушки

Имена, покоящиеся под цветами.

Жоан Виньоли

В девять часов утра тридцатого дня марта две тысячи второго года от Рождества Христова, в день желанный и долгожданный, взоры множества верующих из всех уголков мира, что собрались в этот час на площади Святого Петра в Ватикане, жадно устремлены на нарядно убранное окно, из которого его святейшество вскоре произнесет торжественное благословение «*Urbi et orbi*»¹. Хотя весна уже началась, стоит пронизывающий холод, который коварный ледяной ветер принес из-за Тибра: проложив себе путь по виа дела Кончилиационе, он решительно и победоносно проник на площадь, вознамерившись, по всей видимости, остудить пыл сердец, предвкушающих появление понтифика. Повсюду видны обязательные в таких случаях платки, извлеченные из карманов то ли по причине внезапно напавшего на всех насморка, то ли из-за нахлынувших эмоций. И вот легкое движение в окне, внезапно возникшее отражение в стеклах балкона, ставни которого открываются внутрь. Микрофон, священник, угодливо устанавливающий его на нужную высоту, и согбенная, облаченная в безупречно белые одежды фигура его святейшества Иоанна Павла II, произносящего слова, которые никто из присутствующих не в состоянии разобрать, хотя народ на площади застыл в полной тишине. И наконец благословение. Шесть монахинь из Гвинеи, преклонив колени на мокрой

¹ «Граду и миру» (лат.).

мостовой, рыдают от счастья. Возглавляемая отцом Рельей группа, удачно расположившаяся прямо напротив папского балкона, хранит абсолютное молчание, возможно несколько неловкое на фоне суеверных излияний некоторых богомольцев, которые вздымают вверх руки с четками, покрывают поцелуями образки с изображением папы за пол-евро или делают фотографии, призванные увековечить сей торжественный момент. Отец Релья делает сдержанный жест, как бы говорящий «вот уж заставь дурака Богу молиться...», и смотрит на часы. Следует поспешить, через полчаса им надо быть на пьяцца дель Сант-Уффицио. Тотчас после благословения, как только фигура папы, увлекаемого с балкона врачами, скрывается из виду, отец Релья поднимает вверх руку и указывает своей группе нужное направление, приготовившись с помощью красного зонтика пробивать им путь по главной площади Ватикана сквозь всю эту чащу богомольцев. Составляющие группу — пятьдесят женщин и тринадцать мужчин, словно единое существо, решительно движутся вслед за зонтиком. Основная же масса собравшихся ходит кругами по площади, будто людям жаль покидать место, о котором они столько раз грезили во сне.

Лимузин с тонированными стеклами неслышно, по-кошачьи проскальзывает по виа Порта-Анжелика, поворачивает направо и останавливается у контрольного пункта на виа дель Бельведере. Двое мужчин с наушниками, рациями, в черных очках и белых воротничках склоняются с двух сторон к окошечкам машины, стекла которой опускаются синхронно и элегантно, подобно выверенному движению век. Мужчины тут же выпрямляются и знаком показывают, что автомобиль может проезжать. Тем не менее один из них быстрым шагом сопровождает машину до места, где она должна

припарковаться, на виа делла Поста. От стены отделяется ватиканский привратник, который почтительно открывает правую дверцу лимузина. У дверей Апостольского дворца швейцарский гвардеец, облаченный в костюм янычара, изображает полное безразличие к окружающему миру, устремив пристальный взгляд на здание, словно в надежде раскрыть какие-то постыдные тайны сего закрытого от посторонних глаз места. Из лимузина показываются изящные ножки, обутые в безупречные черные туфли с серебряными пряжками, и деликатно касаются земли.

В полном соответствии с протоколом праздничных мероприятий в соборе Святого Петра в Ватикане отслужат мессу, на которой в полном составе будет присутствовать Конгрегация обрядов. Всех специальных гостей предусмотрительно просили явиться за три часа до начала церемонии, дабы избежать любых непредвиденных случайностей, ибо если чему и научилась Римско-католическая апостольская церковь на протяжении веков, так это виртуозно придумывать, организовывать и проводить любого рода церемонии с обязательным соблюдением четко выверенной степени пышности, соответствующей важности и значительности каждого акта.

Облаченная в строгие черные одежды, худая и, несмотря на свои восемьдесят семь лет, удивительно прямая дама в скромной, но весьма элегантной шляпе ждет, когда сын и сопровождающие его члены семейства подойдут к ней. С некоторым недовольством и досадой она старается не обращать внимания на гул, царящий на площади, где толпится народ. Газуль решает какие-то вопросы с капралом, вышедшим вслед за привратником.

— Куда делся Сержи, — дама произносит эти слова, сурово глядя прямо перед собой и не удосужившись придать вопросу соответствующую интонацию.

— Да вот он, здесь, мама, — сухо отвечает Марсел. — Где же ему быть?

Сержи отошел немного в сторону и зажег сигарету, предвидя, что там, внутри, ему ни за что не позволят закурить.

— Я его не слышу.

— Ну да, ты же не удосужилась обратиться с вопросом непосредственно к нему, а не в пространство, думает Мерче, которая никак не может стереть с лица злобное выражение, приклеившееся к нему еще ранним утром. Но ведь ты никогда не задаешь конкретных вопросов конкретным людям и никогда не поворачиваешь головы в сторону человека, к которому обращаешься, поскольку не хочешь, чтобы на шее появлялись морщины, и потому что уверена, что в конце концов люди все равно сами подойдут к тебе.

— Ну что? — спрашивает дама Газуля.

— Все в порядке.

Группа из пяти человек под контрольным номером 35Z входит в двери палатко за три часа до начала церемонии.

Просторный зал Святой Клары мягко освещает приглушенный свет, проникающий сквозь стекла трех балконов, выходящих в широкий внутренний двор, по которому торопливо прохаживается мужчина с яркой желтой лентой, наискось пересекающей его грудь; перед ним услужливо семенит человек в гражданской одежде, который, вытянув вперед руку, указывает на дверь. Напротив балконов — огромная темная полусфера, демонстрирующая познания о Земле, коими человечество обладало в семнадцатом веке. Рядом — концертный рояль, весьма неожиданный предмет в подобной обстановке; он словно задумчиво дремлет, как это происходит со всеми музыкальными инструментами, когда они умолкают.

Ответственный за протокол сухопарый мужчина, облаченный, как и дама, во все черное, скорее всего священнослужитель, намеренно бормочет что-то по-итальянски, прекрасно отдавая себе отчет в том, что его могут не понять; он говорит вновь пришедшим, чтобы они чувствовали себя как дома, что теперь останется только ждать начала церемонии и что туалет, расположенный за дверью рядом с роялем, находится в их полном распоряжении. Не успели они расположиться, как в зал вошла средних лет женщина, по всей видимости монашка, которая толкала перед собой тележку, наполненную всевозможными закусками и сугубо безалкогольными напитками, и сухопарый мужчина шепотом сообщил Газулю, что тележку уберут за час до начала акта, сами понимаете почему.

Дама садится на широкий диван, плотно сдвинув ноги, и устремляет созерцательный взгляд вглубь зала в ожидании, что остальные последуют ее примеру. В глубине души она испытывает самое сильное напряжение, какое только может выдержать ее хрупкое тело, но никоим образом не может позволить, чтобы ее сын, бывшая невестка, безучастно слоняющийся возле балконов внук и адвокат Газуль заподозрили, как она нервничает, какую тревогу испытывает, сидя на удобном диване в просторном зале Святой Клары в Апостольском дворце Ватикана. Дама знает, что после сегодняшнего дня она наконец сможет позволить себе спокойно умереть. Подносит руку к груди и нащупывает свисающий с шеи крестик. Она знает, что сегодня завершаются шестьдесят лет ее неизбывной муки, и не желает признаться самой себе, что, возможно, лучше ей было бы прожить совсем иную жизнь.

В день, когда его имя было предано забвению, на улицу вышло совсем немного народу. И даже если бы не было дождя, вряд ли было бы больше людей, ибо все предпочли продемонстрировать свое полное безразличие к происходящему, хотя, разумеется, потихоньку, из какого-нибудь неприметного окошка или из-за садовой изгороди, следили за церемонией, воскресившей в памяти столько слез и горя. Алькальд принял решение проводить мероприятие несмотря на дождь; он, разумеется, никому не сказал, что истинная причина сего приступа политического рвения кроется в том, что на два часа он назначил встречу с клиентом в Сорте и у него слюнки текут при одной мысли об отменном вязком рисе¹ с овощами, ожидающем его в таверне Ренде. Но он был истинным представителем семейства Бринге, а посему хотел продемонстрировать всей деревне, включая обитателей дома Грават, что ввиду своей исключительной важности церемония состоится в любом случае, даже если дождь будет лить как из ведра. Итак, при смене вывесок присутствовали алькальд, члены муниципального совета, секретарь и два волонтера в лице заблудившихся туристов, которые, укрывшись под глянцевыми дождевиками, не понимая толком, что происходит, не преминули сфо-

¹ *Вязкий рис* — традиционное каталонское блюдо, которое, в отличие от рассычатого риса, готовится на бульоне с добавлением различных ингредиентов и имеет более жидкую консистенцию, чем, например, паэлья.

тографировать диковинные обычаи обитателей высокогорья; кроме того, там были Серральяк (как же без него?) и сеньора Басконес, хотя никто так и не понял, что ей, черт возьми, делать на подобном мероприятии. Френоколопексия. Жауме Серральяк изготовил четыре великолепные таблички из светло-серого мрамора, такие изысканные, что они вполне могли бы оказать честь гораздо более выдающимся улицам, более крепким стенам и более элегантному населенному пункту. «Улица Президента Франсеска Масии»¹ заменит «Улицу Генералиссимуса Франко». Вместо «Улицы Хосе Антонио»² появится «Главная улица», «Главная площадь» перестанет быть «Площадью Испании», а «Средняя улица» займет место «Улицы Фалангиста Фонтельеса». Поскольку все было заранее подготовлено, отверстия в нужных местах просверлены, а Серральяк мог делать свою работу с закрытыми глазами, ибо из-за частых смен вывесок после окончания диктатуры он давно набил руку, то дело и выведенного яйца не стоило. Правда, одна табличка, фалангиста Фонтельеса, никак не желала покидать свое место, и пришлось раскалывать ее молотком прямо на стене. Осколки печальной истории выкинули в мусорный бак напротив дома Баталья. Останки фалангиста Фонтельеса издали беспомощный глухой звук, к которому присоединился почти неслышный стон, исходивший от суровой, неподвижно застывшей на террасе дома Грават фигуры; впрочем, стона этого не услышал никто, кроме кошек. С холма за церемонией наблюдали

¹ *Франсеск Масия* (1859–1933) — 122-й президент Каталонии (1932–1933).

² *Хосе Антонио Примо де Ривера и Сазнс де Эредиа* (1903–1936) — испанский политический деятель, сын диктатора Испании Мигеля Примо де Риверы. Основатель фашистской партии «Испанская фаланга».

две пожилые, тепло одетые дамы; одна из них была совсем дряхлой. Убедившись, что Серральяк вдребезги разбил старую вывеску, они, взявшись под руку, медленно спустились по Средней улице, украдкой бросая взгляды на фасады домов, окна и двери и время от времени обмениваясь коротенькими, не предназначенными для посторонних ушей замечаниями; так они пытались скрыть смущение от осознания того, что из домов за ними исподтишка наблюдает множество глаз, тех самых, что до этого украдкой подглядывали за церемонией смены табличек на соответствующих улицах. Когда дамы дошли до мусорного бака, они заглянули в него, словно желая в чем-то удостовериться. Группа представителей власти уже удалялась по улице Франсеска Масии в сторону Главной площади, чтобы произвести последнюю из запланированных смен вывесок; было предусмотрено, что там, на площади, сеньор алькальд произнесет несколько слов о духе примирения, побудившего граждан проявить инициативу по восстановлению исторических названий. Теперь, когда многострадальная улица наконец переименована и на ней воцарилась привычная тишина, у жителей Торены больше не будет повода вспоминать об Ориоле; и все дома этой высокорослой деревушки вздохнули с облегчением, поскольку наконец-то был ликвидирован важнейший символ, возбуждавший раздор и вражду. И никто, кроме хрупкой тени, что на террасе дома Грават в тот момент протирала очки, думая про себя вот увидите, хорошо смеется тот, кто смеется последним, никто в деревне с тех пор больше не вспоминал об Ориоле Фонтельесе. Никто... пока спустя двадцать четыре года, решив в преддверии двадцать первого века привести селение в более-менее приличный вид, власти не заговорили о сносе одинокого и никому теперь не нужного здания старой школы.

Как и следовало ожидать, директриса школы в Сорте поручила Тине Брос отправиться в Торену и досконально проинспектировать здание старой школы, поскольку они готовили выставку, посвященную эволюции учебных пособий, и надеялись на интересные находки в предназначенном к сносу здании. Ну, какой-нибудь старый школьный материал и все в таком роде. Поскольку помимо этого Тина работала над близкой по теме книгой, то именно ее и послали провести официальную экспертизу сохранившегося хозяйства старой школы. А это означало, что Тине, голова которой была занята совсем иными проблемами, через три дня после своего первого посещения пришлось поневоле вновь ехать в Торену на своем допотопном красном «ситроене». Она, разумеется, не могла знать, что припарковалась под табличкой, которая двадцатью пятью годами ранее восстановила историческое название Средней улицы. Заглянув в мэрию, Тина попросила дать ей ключи от школы, но там ответили, что они у строителей, которые уже работают на объекте, и когда она подошла к школьному зданию, крайнему в деревне, если идти по дороге к холму Триадор, то увидела, что рабочие уже начали разбирать кровлю, снимая одну за другой черепичные плитки. Недолго думая, она вытащила маленький фотоаппарат с высокочувствительной пленкой и, воспользовавшись зыбким светом опускавшихся сумерек, сделала три снимка дома. При этом постаралась, чтобы ни в один из них не попали оседлавшие крышу рабочие. Может быть, парочка снимков пригодится ей для будущей книги. Может быть. К счастью, рабочие начали слом здания с той части, где располагались туалеты. Поэтому Тина успела тщательно проинспектировать оба шкафа в классной комнате, изрядно перепачкавшись в накопившейся за долгие годы вязкой черной пыли, при-

Кабре Ж.

К 12 Голоса Памано : роман / Жауме Кабре ; пер. с каталан. Е. Зерновой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 768 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23407-9

На берегах горной реки Памано, затерявшейся в Пиренеях, не смолкают голоса. В них отзвуки былых событий, боль прошлого и шум повседневности. Учительница Тина собирает материал для книги про местные школы, каменотес Жауме высекает надписи на надгробиях, стареющая красавица Элизенда, чаруя и обманывая, подкупая и отдавая приказы, вершит свой тайный суд, подобно ангелу мести. Но вот однажды тетрадь, случайно найденная в обреченной на снос школе, доносит до них исповедь человека, которого одни считали предателем и убийцей, другие — мучеником. Так кто же он на самом деле — этот Ориол Фонтельес, сельский учитель? И какую надпись нужно теперь высечь на его надгробной плите?..

Жауме Кабре (р. 1947) — крупнейшая звезда каталонской литературы; его книги переведены на десятки языков, их тиражи превышают миллион экземпляров, а его эпохальный роман «Я исповедуюсь» был удостоен многочисленных премий. «Голоса Памано» — его симфония, эпическое полотно, где отражения множатся, все не такое, каким кажется, а правда отчаянно желанна и неизменно ускользает из рук.

УДК 821.134.2

ББК 84(4Исп)-44

Литературно-художественное издание

ЖАУМЕ КАБРЕ
ГОЛОСА ПАМАНО

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Наталья Хуторная
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 30.05.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 33,84.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-MBB-32359-01-R